Мысли о посте

Сей род не исходит, токмо молитвою и постом.

Мф. 17. 21

В рассуждениях о целесообразности установления Св. Церковью времён поста самая шаткая почва, конечно, та, когда стараются убедить в целесообразности этого церковного установления научными соображениями медицинского характера, когда в пользу поста приводятся свидетельства и изыскания светил медицинской науки, авторитетно указывающих на постную пищу как на наиболее полезную для человеческого организма, как на наиболее способствующую долговечности человека, наименее способствующую расслаблению организма, возбуждающую большую энергию к деятельности и т. д. На такой же шаткой почве покоятся основания в пользу поста, почерпаемые из наблюдений над жизнью монахов, духовенства и других лиц, преимущественно питающихся растительной пищей. Рассуждения того и другого рода имеют, правда, своё значение, но это значение распространяется только на тех, которые видят в установлении постов установление Св. Церкви и, послушные Св. Церкви, исполняют это установление. Для таких лиц рассуждения указанного рода могут служить подтверждением давно им известного — но и только, никак не более. Люди же противоположного образа мыслей с равным почти весом могут привести не менее важные свидетельства также светил науки и основательные наблюдения над жизнью, как раз противоположные свидетельствам и наблюдениям первых. Это с одной стороны.

С другой стороны (и это самое главное), все рассуждения медицинского и опытного характера в большинстве случаев таковы, что они натуралистичны, то есть с точки зрения рассуждающих таким образом воздержание рассматривается как правило житейской мудрости, как средство долговечности — и только (поэтому среди жизненно исполняющих подобные воззрения немало таких, которые к церковной жизни часто не имеют никакого отношения или имеют в очень слабой степени, каковы, например, вегетариане, питающиеся одной только растительной пищей, исходя в этом из рассуждений чисто житейского характера или же из неправильного понимания христианского взгляда на воздержание). Эти рассуждения имеют в виду только эту временную, земную жизнь, где долговечность имеет громадную цену, и совершенно игнорируют церковную точку зрения, которая указывает христианину дальнейшее его бытие в вечности и к вечности готовит его.

Правильные и твёрдые рассуждения о посте должны стоять на чисто церковной почве, должны направляться к тому, чтобы видеть спасительность соблюдения постов[1].

И здесь невольно приходит на мысль то воззрение, которое фигурирует не только у сектантов рационалистического характера (штундистов, пашковцев и др.), но и у большинства современных христиан Православной Церкви, — воззрение, претендующее также на церковность, считающее посты чисто обрядовым установлением, не согласным якобы с духом христианской религии, которая есть религия духа (Ин. 4. 23—24), отрицающая всякие установления внешнего характера.

Рассуждающие таким образом забывают совершенно одну великую христианскую истину: христианская религия не относится отрицательно к телесной стороне человеческого бытия. Она учит, что жизнь в вечности уготована и духу, и телу человека, что и тело равно с духом будет вечно или мучиться, или блаженствовать. *«Наше бо житие,* — говорит св. апостол Павел, — *на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа: Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его, по действу еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая»* (Флп. 3. 20—21. См. под.: 1 Кор. 15; 2 Кор. 5. 10; 1 Сол. 4). Приготовляя и дух, и тело к вечному бытию, христианская религия как в своих постановлениях чисто сакраментального (таинственного) характера даёт и чувственную (видимую) сторону, так равным образом и в обрядовых (внешних) постановлениях указывает сверхчувственную сторону, то есть и там, где христианство содействует очищению и спасению духа, даётся и соответственная пища для тела, и где укрепляется тело, там же и укрепляется дух, так что, собственно говоря, в Христианской Церкви нельзя указать ни одного установления таинственного или обрядового характера, которое бы направлялось Св. Церковью к одной какой-либо стороне человеческого бытия, а этим христианство явно указывает на совместную жизнь духа и тела в вечности.

---

[1] На какую-либо новизну соображений по данному вопросу автор не претендует, он только желает суммировать более или менее всем известное, но тем не менее всеми в большей или меньшей степени забываемое. В рассуждениях имеются в виду главным образом те из христиан, которые желают разумного усвоения того, что предъявляется Св. Церковью к исполнению. Отрицательно же относящиеся к церковным установлениям имеются в виду настолько, насколько они искренни в своём отрицательном отношении, то есть насколько они могут сознаться, что действительное их отрицание спасительности постов обусловливается только косностью ветхого человека, их неохристианизованной волей.

МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 марта. № 8. 1892 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

МЫСЛИ О ПОСТѢ.

Сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ.
Мѳ. XVII. 21.

Въ разсужденіяхъ о цѣлесообразности установленія Св. Церковью временъ поста самая шаткая почва, конечно, та, когда стараются убѣдить въ цѣлесообразности этого церковнаго установленія научными соображеніями медицинскаго характера,—когда въ пользу поста приводятся свидѣтельства и изысканія свѣтилъ медицинской науки, авторитетно указывающихъ на постную пищу, какъ на наиболѣе полезную для человѣческаго организма, какъ на наиболѣе способствующую долговѣчности человѣка, наименѣе способствующую разслабленію организма,—возбуждающую большую энергію къ дѣятельности и т. д. На такой же шаткой почвѣ покоятся основанія въ пользу поста, почерпаемыя изъ наблюденій надъ жизнію монаховъ, духовенства и другихъ лицъ, преимущественно питающихся растительною пищею. Разсужденія того и другаго рода имѣютъ, правда, свое значеніе, но это значеніе распространяется только на тѣхъ, которые видятъ въ установленіи постовъ установленіе св. Церкви и—послушные св. Церкви—исполняютъ это установленіе;—для такихъ лицъ разсужденія указаннаго рода могутъ служить подтвержденіемъ давно имъ извѣстнаго, но и только, никакъ не болѣе; люди же противоположнаго образа мыслей съ равнымъ почти вѣсомъ могутъ привести не менѣе важныя свидѣтель-

Дух и тело человека с момента создания человека несут одинаковую участь. Сотворённые Богом для блаженства, они совместно преступили заповедь послушания: пал дух — пало и тело; во грехе дух — во грехе и тело. Оба они освобождены от греха воплотившимся Спасителем, оба совокупно должны стяжать дарованное спасение, должны во весь период своего земного существования стремиться к прославлению в вечности. И в продолжение всей земной жизни христианина нельзя указать ни одного момента, где бы в радостях духа не участвовала плоть (ибо полная так называемая духовная радость может быть испытываема христианином только под условием полной гармонии требований духа и тела), где бы при грехах плоти не страдал бы и дух (или противовоюя плоти, или соизволяя её вожделениям), и наоборот[1]. Забвение, легкомысленное или преднамеренное, этой христианской истины о жизни в вечности тела, так же как и духа человека, и делает указанное воззрение на пост совершенно односторонним. Истинное воззрение будет там, где разъясняется спасительность установления поста для обеих сторон.

При правильном христианском взгляде на значение церковных обрядов и пост в христианстве никак нельзя назвать чисто телесным упражнением; его можно назвать в большей даже степени упражнением духовным, конечно, только тогда, когда мы будем смотреть на это церковное установление не мирскими глазами, а отрешившись от внешнего чувственного воззрения на пост. И здесь, во-первых, должны для нас иметь самое важное значение те изречения Св. Писания, которыми строго осуждается чисто формальное постничество — без соответствующего духовного расположения или, ещё хуже, постничество с лицемерно-фарисейским характером! (см.: Ис. 58; Мф. 6. 16–18 и др.), а во-вторых, те церковные песнопения (см., например, 1-ю стихиру на «Господи воззвах» среды и пятка 1-й недели Великого поста и др.), в которых христиане призываются к соблюдению поста и телом, и духом, призываются и к плотскому воздержанию, и к усугублению дел христианской милости и любви.

А св. Иоанн Златоуст в одной из своих бесед называет пост прямо духовным упражнением. «Пост, — говорит он, — составляет не телесное, а духовное упражнение. Ибо, если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то и не составляет телесного упражнения» (Беседа 12-я на Первое послание к Тимофею). И само собой разумеется, что в этих словах св. Златоуста

---

[1] С обыденной, мирской точки зрения эта мысль может показаться неправильной, но при христианском воззрении на радости и скорби жизни как на явления борьбы греха и благодати, ветхого и нового человека эта мысль — совершенно истинная (см.: 2 Кор. 7. 10; 1 Кор. 6. 20; Флп. 4. 4).

следует видеть прямое указание на ту христианскую истину, что плоть своими требованиями прямо противоположна требованиям духа (Рим. 7. 13–24; Гал. 5. 17), и только ослабляемая чрез воздержание она становится менее притязательной, освобождает дух человека и даёт ему, таким образом, возможность взять перевес над требованиями плоти, не быть её рабом, а её господином и чрез подобный перевес не дозволять телу человеческому оскверняться плотскими нечистотами.

Следовательно, св. Златоуст пост называет упражнением духовным потому, что чрез ослабление притязаний плоти в жизни человека дух получает должное своё значение для самой же плоти как высшая руководственная сторона человеческого бытия — руководственная для тела в деле его вечного прославления.

И чрез подобное разъяснение приведённых слов св. Златоуста получается истинно церковный взгляд на пост как такое церковное установление, чрез которое наиудобным и целесообразным образом достигается в жизни человека-христианина желанная гармония духа и тела и созидается спасение христианина, дарованное воплотившимся Господом и духу, и телу человека.

И если бы отрицающие спасительность постов вдумались в истинный их смысл, то они, если захотят быть искренними, сами увидали бы высокую духовную сторону этого церковного установления, каковую сторону они и хотят только видеть в христианстве.

Это, однако, духовная сторона поста. Признаваемая спасительность духовных упражнений во время поста[1] однако же не всеми понимается как непременно требующая и установлений чисто внешнего характера относительно рода, количества и времени принятия пищи.

Но если мы опять вспомним истинно церковный взгляд на будущее прославление духа и тела человека, то и эти предписания получат для нас глубокий и многосодержательный смысл.

С церковной точки зрения нельзя иначе, как с глубоким уважением относиться к тем выражениям церковного устава, где отцы и подвижники христианства — люди глубокой духовной опытности — начертали: «трапезы не поставляем», «вкушаем мало», «праздник: разрешение вина и елея», «на трапезе утешение велие братии», «разрешение на вся» и этим подобные выражения.

---

[1] Так как значение духовных упражнений во время поста всеми, ищущими спасения, признаётся как необходимый факт, то автор находит возможным об этом не распространяться.

Разумеется, в этих выражениях могут иные видеть только пустую формалистику, крайность монашества и т. д., могут относиться к ним не иначе как с иронией, но подобные суждения и отношения к выражениям церковного устава следует назвать религиозным недомыслием, если только они не плод пустого легкомыслия.

Кто же даст себе труд серьёзно вдуматься в указанные выражения, тот, думаем, увидит и всю серьёзность этих предписаний и согласится, помимо прежде сказанного, со следующими соображениями. Радости и печали внешнего, материального характера христианством не отрицаются, а напротив, предполагаются им, хотя как нечто придаточное (Мф. 6. 33; Мк. 10. 29–30; Лк. 5. 33–35). И этим радостям и печалям отводится должное время.

С точки зрения духовной пост установлен Церковью как время плача и воздыхания, время молитвы и покаяния. Совместная жизнь духа и тела, как ранее говорилось, обязывает христианина к обоюдному их соглашению в скорби и печали. Церковные празднества есть времена духовной радости, веселия и торжества. Обоюдную радость — и духовную и телесную — и должен испытывать человек-христианин в эти светлые времена Церкви. Однажды фарисеи и книжники спросили Господа: *«Почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские, а Твои едят и пьют? Он сказал им: можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни»* (Лк. 5. 33–35).

К чему же иному клонятся и все указания церковного устава относительно пищи, как не к тому, чтобы в этой жизни самым таким материальным образом приучить тело к чувствованию истинно духовных настроений — радостных ли или печальных? И времена поста с церковной точки зрения — не суть только мудрые наставления долговечности, которая, по научным изысканиям, требует известной заботливости о переменном питании, но, и главным образом, они суть глубоко психологические христианские указания, с одной стороны, на многоболезненность и многотрудность, по греховным влечениям, нашего бедного тела, падшего вместе с духом, и поэтому для достижения истинного конца требующего известного рода аскетических упражнений; с другой стороны, указания на возможность достижения духом вместе с телом чрез соблюдение правил христианской аскетики вечного причащения сладости первого нашего бытия — бытия райского — в лицезрении Отца Светов. Высказанные теоретические соображения всецело подтверждаются и наблюдениями над жизнью христиан, живущих строго по церковному уставу.

Мы никак не можем согласиться с тем объяснением, что когда какой-нибудь простой благочестивый монах бедной, но истинно христианской обители радуется праздничному обилию братской монастырской трапезы, то будто бы тогда он этой радостью показывает просто своё сластолюбие. Совершенно нет. Истинный сын Церкви, он полон духовной радости, радости праздника, и это его духовное радостное настроение ещё более усиливается, когда он видит в братской трапезе полное, так сказать, сочувствие его внутреннему настроению, и радость его в трапезе становится совершенно полной — поистине праздничной... Это радость — не сластолюбца (он, утомлённый раннейшими подвигами, и съест-то очень мало), а радость христианина, желающего, чтобы праздничная радость наполняла всё, его окружающее, видна была во всём.

Или возьмём другой пример. Представим себе благочестивое христианское семейство, исполняющее свято церковные уставы и в том же духе воспитывающее своих детей. Разве праздничный стол для него — безразличное явление? Разве детские воспоминания о праздниках у воспитанного в таком семействе не хранят в себе память и о праздничном столе? Может быть, скажут: «Да, хранят, но только о столе, так как воспоминания детства — большей частью чисто чувственного характера». Отчасти с этим можно согласиться, но только отчасти. Ребёнок — тоже член Царствия Божия. И ему в церковные праздники благодатью Божией даётся ощущение духовной радости. И когда эта его духовная радость находит восполнение в праздничном столе, то его радость становится совершенно полной. А что это именно так, что воспоминание о праздниках в детские годы — не чувственного только характера, можно видеть из того, что вкусные, нравящиеся ребёнку блюда бывают для него нередки, однако же в воспоминаниях детства хранится именно праздничный стол — в другие же разы подаваемые вкусные блюда исчезают у ребёнка бесследно, как и большинство воспоминаний детства: это явление — своеобразная детская радость при празднике после (детской душой также своеобразно переносимой) печали во время поста[1].

---

[1] Из последнего примера нам невольно хочется сделать вывод, к характеру наших рассуждений немного не подходящий: невольно входит в голову укоризна тем родителям, которые сами индифферентно относясь к уставам Церкви, в таком же индифферентизме воспитывают и своих детей и не дают им таким образом возможности испытывать в детстве в известные времена ощущений радостных и печальных всей Св. Церкви, что, конечно, кладёт тяжёлую печать на всю будущую жизнь ребёнка, печать, быть может, никогда не изгладимую, в рассуждении о вечности — мрачную, тёмную, безотрадную. Ребёнок, не привыкший в семье жить радостями и печалями Св. Церкви, может затем и всю жизнь провести, не испытавши церковных чувств и, не приготовленный в этой жизни к блаженной вечности, получает в удел вечное мучение.

Приведённые примеры, вместе с раннейшими теоретическими соображениями, кажется, достаточно говорят за то, что установление Св. Церковью времён поста в чисто даже обрядовой стороне этого установления имеет глубокий смысл в рассуждении о спасении христианина. Телесная сторона его бытия приучается совершать свои отправления с нравственной идеей: та или другая пища для христианина будет в его жизни не безразличным явлением (лишь бы быть сытым), но явлением во славу Божию, согласно заповеди апостола: *«Аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите»* (1 Кор. 10. 31).

Святые отцы также в рассуждениях о постах не упускали из виду и телесной стороны этого церковного установления. Так, св. Василий Великий, сказавши о духовной пользе поста, говорит затем следующее: «С другой стороны, пост служит поводом к веселью. Как жажда придаёт питию сладость и предшествовавший голод делает трапезу вкусной, так и пост делает приятным вкушение яств. Когда займёт он собой средину между наслаждениями, пресекши их непрерывность, тогда произведёт то, что принятие пищи, как бы находившееся с тобой в разлуке, покажется тебе вожделенным... Поэтому трапеза приятнее после поста как богатым, имеющим хороший стол, так и тем, которые довольствуются простой и наскоро приготовленной пищей» (Беседа 1-я о посте).

Но *«брашно нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся»* (1 Кор. 8. 8). Эта истина слова Божия составляет также постоянное возражение против целесообразности и спасительности постов. Само собой разумеется, что эта истина как слово Самого Бога есть истина непререкаемая, и никто из здравомыслящих христиан и не подумает, что в употреблении того или другого рода пищи можно видеть особый способ спасения, никто из искренних христиан не смотрит на постную пищу как на средство спасения. Но в то же время каждый искренний христианин считает спасительными те душевные настроения, которые испытываются христианином, соблюдающим по церковному постановлению правила телесного воздержания. Даже более: каждый истинный христианин, верный заветам слова Божия, считает своим нравственным долгом изможднение тела не по крайне аскетическому воззрению, а по объявленному самим же Св. Писанием антагонизму между духом и плотью.

Кто из апостолов более проповедовал духовную свободу, принесённую Христом, взамен обрядовых предписаний закона Моисеева? Кто из них более порицал точное распределение пищи по родам и временам, как не апостол Павел? Кто, как не он же, разрешает в снедь всякий род пи-

щи, говоря, что пища нас не приближает к Богу, что нет ничего в самом себе нечистого (1 Кор. 8. 8; Рим. 14. 14)? Но в то же время не тот же ли великий апостол собственной своей жизнью показывает пример высокого христианского аскетизма, когда, изображая жизнь свою как воина Христова, жаждущего венца нетленного, говорит не только про свои духовные добродетели, но и про телесное подвижничество: *«Умерщвляю тело мое и порабощаю»* (1 Кор. 9. 27), — говорит он, проводя действительно жизнь свою *«в труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и наготе»* (2 Кор. 11. 27), указывая своим примером и учением всем христианам на здешнюю жизнь как на время непрестанного подвига, на время борьбы, борьбы великой духа и плоти, которая должна окончиться для христианина победой начала духовного, до полного подчинения плоти духу, до вознесения до третьего неба?

Но здесь скажут, что это говорит только в пользу воздержания вообще — факта для христианина бесспорного, — а никак не распределения пищи по родам и временам, каковое де распределение существует в церковных установлениях времён поста и мясоястия: век апостольский не знал, скажут, подобного распределения.

Это верно: в век апостольский не было подобного распределения (хотя также несомненно, что пост Св. Четыредесятницы началом своим скрывается во временах апостольских — «Пасха крестная»). Но странно было бы век апостольский сравнивать с временами позднейшими и нашими — время жизни с полным осуществлением христианских начал со временами пренебрежения, а часто и полного забвения христианских начал; времена живого и постоянного общения с Богом всех верующих со временами постоянного отчуждения от Бога; времена истинно церковной жизни со временами горделивого уклонения от принципов церковности. Говоря конкретнее и о данном предмете, скажем так: христианам первых веков христианства всегда ясно предстояла и жизненно осуществлялась истина борьбы духа и плоти, борьбы христианина с духом злобы; они в этой жизни полным воздержанием всегда подготовляли себя — и были готовы — к побеждению восстаний того и другого врага. Какие нужны были внешние предписания о родах и временах пищи тем, вся жизнь которых была истинным христианским аскетизмом — свободой во Христе Иисусе, где дух влечёт покорное тело в уготованное блаженное Царство?

Не то стало потом, не то, совсем не то видим и теперь.

Христианская жизнь постепенно стала расшатываться, христианское общество своей жизнью не говорило, как в век апостольский, воочию каждому неверующему, что истинно с ними Бог, мирские начала стали

вытеснять в массе христиан начала церковной жизни. Появляется монашество как протест против мирского течения христианской жизни. Появляются внешние правила, имеющие целью исправить ложное течение христианской жизни. Устанавливаются Церковью посты как такие времена, которые, ограничивая лежащее в падшей природе человека сластолюбие, напоминают христианину ту истину, что в нечистой плоти — и греховный дух, что нет спасения тому, кто сквернит плоть, которая так же, как и дух, назначается в христианстве для служения Господу (1 Кор. 6. 13), ибо и тело назначено для вечного блаженства. А приурочение Св. Церковью времён поста к известным, особым в христианстве дням седмицы, к особым церковным воспоминаниям, а вместе с тем и разъяснение истинного смысла провождения постов как времён для благочестивых христианских подвигов, исключающих внешнюю односторонность в постничестве, даёт христианам напоминание об истинно церковной жизни, о вечно присущих христианству началах аскетизма, только под влиянием мирских начал ослабевших и потерявших для христиан то высокое спасительное значение, которое они имели для христиан первых веков — истинных подвижников во имя Христа.

Отсюда никак нельзя назвать установление Св. Церковью постов установлением, не согласным с духом христианства, чем-то внешне (под влиянием монашества) навеянным христианству. Пост в его истинном значении всегда присущ христианству, присущ падшей природе человека и, даже если брать пост в его глубочайшем смысле как полное отрешение от своей воли и подчинение воле Божественной, присущ человеку с момента его создания. «Углубись в историю, — говорит св. Василий Великий, — и ищи древность происхождения поста. Пост — не новое изобретение, но драгоценность отцов. Всё отличающееся древностью почтенно. Уважь седину поста. Он современен человечеству. Пост узаконен в раю. Такую первую заповедь принял Адам: *„От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте“* (Быт. 2. 17). А сие *не снесте* есть узаконение поста и воздержания» (Беседа 1-я о посте). Подобное же говорит и св. Златоуст в 1-й из своих бесед на Книгу Бытия.

Установление, следовательно, определённых времён поста не есть что-то лишнее в христианстве, даже напротив, установление постов в их истинном значении свидетельствует только о том, что жизнь христиан ослабела, и такие правила, как установление и провождение постов, вместо того чтобы быть правилами постоянной жизни христиан, стали теперь правилами известных, определённых Св. Церковью времён. И эти определённые Св. Церковью времена должны блюстись всеми христианами свято, это — времена особой борьбы христианина с духом злобы, кото-

рая может быть успешна, по слову Спасителя, только при помощи **молитвы и поста**, то есть при помощи правил христианского аскетизма. Это — времена, особенно благоприятные для спасения: в них христиане призываются к подвигам молитвы, покаяния и неразлучных с ними дел христианской любви и милости, то есть к таким подвигам, которыми должна характеризоваться **вся жизнь** христианина.

«Пост, — говорит св. Василий Великий, — добрая стража души, надёжный сожитель телу, оружие людей доблественных, училище подвижников. Он отражает искушения, умащает подвизающихся в благочестии, он — сожитель трезвости, делатель целомудрия. Он охраняет младенцев, уцеломудривает юного, делает почтенным старца. Пост — самое приличное убранство женщин, узда в цвете лет, охранение супружества» (Беседы 1-я и 2-я о посте). И кто не согласится, что в этих словах св. отца указываются как следствия поста такие добродетели, которыми должна сиять всегда истинная христианская жизнь, и что отрицающие святое церковное установление времён поста неразумно пренебрегают самым действенным в наш развращённый век средством для самовоспитания по началам истинной церковности, сами себя лишают могучего средства для своего вечного спасения.

С. Городцев

Текст приводится по «Могилёвским Епархиальным Ведомостям». 1892. № 8. Часть неофициальная. С. 107–113; № 9. Часть неофициальная. С. 123–128.